

Николай

ЛЕОНОВ

**Алексей
МАКЕЕВ**

**КРАДЕННЫЕ ДЕНЬГИ
НЕ ЗАВЕЩАЮТ**

Москва
2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии художников *Г. Саукова, В. Щербакова*

Серия основана в 1993 году

Иллюстрация художника *И. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Краденые деньги не завещают / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 384 с. — (Черная кошка).

ISBN 978-5-699-95798-9

В лихие 90-е алчный ловкач Денис Заберовский запустил руку в государственную казну, и денежки рекой потекли в его карманы. Но счастье длилось недолго. Делец эмигрировал в Израиль, где вдруг умер при невыясненных обстоятельствах. Наследство странным образом перешло к умственно отсталому юноше, который ненамного пережил своего благодетеля. Кто следующий в очереди на роковой капитал? На этот вопрос предстоит ответить полковнику Гурову. Сыщик начинает разматывать смертельный клубок, извлекая страшные факты, выводя на свет живых и мертвых свидетелей, пока, в конце концов, сам не становится объектом охоты...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95798-9

© Макеев А., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

**Краденые деньги
не завещают**

ПОВЕСТЬ

Глава первая

После традиционной утренней планерки генерал Орлов попросил полковника Гурова задержаться.

— Послушай, Лев, тут такое дело, — в некотором затруднении подбирая слова, медленно заговорил он. — Дело, честно скажу, странное. Даже не знаю, кому его поручить. Наверное, придется тебе.

— Почему меня это не удивляет? — слегка приподняв брови, философски проговорил Гуров. — «Глухарь», надеюсь?

— Да ты не спеши! Чего сразу на дыбы встаешь? — как бы извиняясь, произнес генерал. — Почему обязательно «глухарь»? Просто непонятного там много. Разобраться нужно.

— В чем именно?

— А вот послушай. Заберовского ты помнишь, наверное? В свое время личность была знаменитая.

— Как не помнить! Столько стараний было приложено, чтобы его «привлечь», и все впустую.

— Вот-вот. В 90-е, когда для подобных ловкачей полное раздолье было, он чуть ли не при государственной власти в «серых кардиналах» ходил. А потом, когда почувял, что «красное» времечко закончилось, в Израиль уехал. У нас с ними соглашения о выдаче нет, как известно, но по нему работали плотно, и уже что-то там даже начало проясняться в плане экстрадиции, как вдруг этот дорогой

во всех смыслах товарищ скоропостижно скончался от неизвестных причин.

— Это так в официальном заключении написано — «от неизвестных причин»?

— В заключении написано — «острая сердечная недостаточность». Но сам понимаешь, все, что происходит с подобной неоднозначной личностью, всегда вызывает повышенный интерес. Тем более такое из ряда вон выходящее событие, как безвременная кончина. Парень в расцвете лет, на здоровье не жаловался. Впрочем, главное здесь даже не в этом. Главное в том, что все свои несметные капиталы уважаемый Денис Исаакович завещал некоему юноше, не только не имеющему к нему никакого родственного отношения, но и вообще с юридической точки зрения недееспособному.

— То есть как?

— А вот так. Чугуев Сергей Николаевич, инвалид от рождения, с детских лет обретающийся в приюте для умственно отсталых. Отец неизвестен, мать была сильно пьющая и рано умерла, имеются ли еще какие-то родственники, тоже никто не знает. Но узнать нужно обязательно, поскольку инвалид недавно скончался, а на оставшееся после него неплохое имущество претендентов целая очередь. В том числе и государственная казна ждет не дождется, когда вернут в нее то, что во времена оные незаконно было изъято.

— Что-то несчастливое оно какое-то, имущество это неплохое. Кто ни получит его, обязательно умирает.

— Ты, Лева, как всегда, зришь в корень. Именно эту самую «обязательность» и отмечают практически все претенденты на «кусочек пирога». Потенциальные наследники Заберовского в один голос кричат, что умереть Чугуеву «помогли», и не для чего иного, как для того, чтобы завладеть неисчислимыми богатствами покойного благотворителя. Заявлений у меня уже целая пачка, писаны как под копирку, можешь почитать.

— Да я верю. Только как-то странно немного. Люди, подобные Заберовскому, к альтруизму обычно не склонны. Откуда эта тяга к благотворительности? У него что, родственников не было, которым можно было бы все это завещать?

— Родственников там хоть отбавляй, вплоть до седьмого колена все поднялись. Как же, такие деньжищи на горизонте замаячили! Только большинство из них так и осталось при своих горячих желаниях. По завещанию кое-что получили дочь да жена, с которой на момент составления завещания Заберовский был уже в разводе. Из более-менее значительных сумм это, собственно, и все. Кое-какая мелочь роздана благотворительным организациям, явно только для вида, а основной куш — вот этому самому Чугуеву.

— Да, странно.

— Еще как странно.

— А какие-то мотивы такого неординарного решения озвучивались?

— Официальная версия гласит, что пребывание вдали от родины заставило Дениса Исааковича по-иному взглянуть на жизненные приоритеты, и он очень раскаивался в своем нехорошем поведении. Долго и мучительно раздумывая, как хотя бы отчасти искупить прошлые грехи, он решил после своей смерти направить все приобретенное несправедливыми путями на помощь сирым и убогим в надежде, что этот героический акт хотя бы отчасти улучшит его репутацию в глазах соотечественников.

— Нет, что-то все-таки здесь не то. Ему и при жизни, похоже, на мнение соотечественников было глубоко наплевать, а уж после смерти и подавно.

— Об этом я тебе и толкую, Лева. Странное это дело. Разобраться нужно. Уж инвалид или не инвалид, а парню двадцать семь лет было. Конечно, с такими болезнями долго не живут, но не дотянуть и до тридцати — это как-то чересчур. Если ему действительно помогли умереть, это, во-первых, состав преступления, а во-вторых, сразу ста-

вит нас перед вопросом «кому выгодно?». Большая часть капиталов Заберовского — это деньги, украденные из казны. Думаю, ты и сам согласишься, что правильно было бы их туда вернуть. Мы, конечно, не можем действовать такими же методами, как приснопамятные «братки», да и не девяностые сейчас. Мы должны соблюдать закон. Поэтому очень важно получить четкое представление о том, как и что в действительности произошло с этим парнем и имеются ли какие-то реальные претенденты на оставшийся после него капитал. Если он — круглый сирота и скончался от естественных причин, думаю, с возмещением нанесенных государству убытков не возникнет никаких проблем. Наследство автоматически переходит в казну как выморочное. Если же это, как ты выразился, «несчастливое» имущество найдет очередного обладателя, с которым вновь придется начинать бесконечные судебные разбирательства, очень велика вероятность того, что дело здесь снова нечисто, и в претензиях обратившихся к нам заявителей имеется доля правды. Вот, собственно, это и предстоит тебе выяснить, Лева. Посмотри дело, съезди в приют, поговори с людьми. С твоим опытом, я думаю, не составит большой проблемы отделить зерна от плевел.

Услышав эту фразу, Гуков понял, что генерал считает это дело по-настоящему сложным и запутанным.

Поручая ему расследование очередного безнадежного «глухаря», Орлов обычно использовал в разговоре командно-административные интонации, чтобы все возможные возражения пресечь в корне. Он бушевал и повышал голос, напирая на то, что причина неудач кроется в ленивости и нерасторопности сотрудников, а вовсе не в трудности дела.

Но когда вместо распеканий и претензий генерал стремился подбодрить и вселить оптимизм, уверяя, что с таким опытом, как у полковника, решить задачу будет несложно, это означало, что он и сам не уверен, справится ли с ней даже такой ас, как Гуков.

— Когда умер Заберовский? — спросил полковник.

— Где-то с полгода назад, точную дату не скажу. Посмотришь в деле, там есть.

— Похоронили его в Израиле или сюда привезли прах щедрого благотворителя?

— Ах да, я же не сказал тебе! Он умер на Ямайке.

— Где?!

— А что ты удивляешься? С Израилем у нас хорошие связи, там русский язык, считай, почти государственный. Рано или поздно мы добились бы выдачи, и Денис Исакович это прекрасно понимал. Поэтому и убрался по-доброму-поздорову и из Израиля тоже, как раз незадолго перед своей кончиной.

— Надо же, как интересно!

— Интересно, Лева, еще как интересно. И не тебе одному. Признаюсь по секрету, расследованием этого дела уже «наверху» заинтересовались, так что не подведи. Слишком уж широко развернулся наш Денис Исакович во времена своего почти бесконтрольного владычества. Много на нем счетов неоплаченных осталось. И наша с тобой задача помочь возместить этот ущерб.

— Значит, похоронен он на Ямайке?

— По-видимому, да. В Россию прах точно не привозили.

— Но и убедиться в том, что этот прах точно на Ямайке, как я понимаю, тоже сложновато?

— Отчего же? Если хочешь возложить букет гвоздик, можешь взять недельку за свой счет. Я отпущу. Только сначала с делом этим разберись. А уж экзотическое курорты — это тебе на сладкое будет.

Выйдя из кабинета начальника, Гуров отправился в архив.

Личного касательства к разбирательствам по делу Заберовского он не имел, но, поскольку это действительно была довольно известная личность, многое о нем слышал.

Просматривая материалы, Лев находил подробные описания эпизодов нарушения законности, которые раньше были известны ему только как неясные слухи. Незаконная приватизация крупных госпредприятий, несколько громких «заказов», близость к властным структурам — все это давало представление о том, насколько широк был в свое время масштаб деятельности опального бизнесмена. Даже по самым приблизительным подсчетам, имущество его исчислялось семизначными суммами в европейской валюте, и представить, что подобные капиталы вот так просто были отданы никому не известному инвалиду, воображение отказывалось.

«Чугуев был недееспособен, значит — опекуны, — размышлял Гуров, перелистывая страницы в очередной папке. — В таких случаях именно они реально распоряжаются деньгами. Узнать, кто они и откуда взялись, — вот первая ниточка. Так или иначе, напрямую или через посредников, опекуны должны были быть связаны с самим Заберовским, и вполне вероятно, что они могут дать какую-то интересную информацию, позволяющую определить, откуда здесь «растут ноги». Второе направление — сам безвременно почивший инвалид. Кто он такой, есть ли у него родственники, кроме спившейся матери, имеет ли он какое-то, хотя бы отдаленное, отношение к Заберовскому или просто «взят с улицы» для каких-то неизвестных пока целей, — вот основные вопросы. Если удастся получить на них ответы, можно будет сформулировать какие-то начальные версии и от этого «плясать» дальше».

Кроме материалов, касающихся расследования совершенных преступлений, в деле имелись также документы, свидетельствующие о попытках взыскать ущерб, нанесенные государству, с нового наследника. Но полковник находил в них только вопросы, остающиеся без ответа, — с одной стороны, и ничего не значащие формальные отписки — с другой. Из этих отписок явствовало, что

от имени опекунов по доверенности действовал некий юрисконсульт, и Лев не поленился записать его данные и адрес офиса.

Координаты самих опекунов, адрес приюта и прочая официальная информация о лицах, фигурировавших в этом деле, тоже были представлены достаточно подробно. Переписав в свой блокнот адреса и телефоны всех, кто мог иметь касательство к богатствам Заберовского после его смерти, Гуров покинул архив, собираясь незамедлительно использовать все имеющиеся у него на данный момент сведения.

«Начнем, пожалуй, с приюта, — решил он, садясь за руль. — Думаю, руководство этого заведения как нейтральная сторона не проявит особой склонности к сокрытию информации. Хотя, если скончатся Чугуеву действительно помогли, — как знать. Может быть, на поверку окажется, что тут-то и зарыта собака.

Приют для умственно отсталых, в котором до недавнего времени обретался Сергей Чугуев, находился в одном из районов, ранее относившихся к столичным окраинам. По-видимому, благодаря этому обстоятельству большую часть прилежащей территории занимали зеленые насаждения, и сейчас старое здание, стоявшее в густых кустах разросшихся деревьев, не только не пугало своим обшарпанным видом, но даже приобретало некоторый налет романтичности.

Впрочем, на фасаде были заметны некие попытки провести косметический ремонт. Участки с отколовшейся штукатуркой были замазаны свежим цементом, угловая, полностью отремонтированная часть здания сияла девственной белизной недавно нанесенной краски.

— Здравствуйте, — вежливо обратился Лев к охраннику, дежурившему у входа. — Я — полковник Гуров, проведу проверку по факту смерти одного из ваших пациентов. Могу я поговорить с заведующим?

Некоторое время бдительный страж молчал, внимательно изучая предъявленное ему удостоверение. Убедившись, что фотография и оригинал полностью идентичны, он важно проговорил:

— Сейчас узнаю.

Набрав на допотопном стационарном телефонном аппарате какой-то номер внутренней линии, охранник проговорил в трубку:

— Георгий Леонидович, тут к вам из полиции пришли. А? Нет. Говорят, проверка. А? Нет. Вроде по факту смерти какого-то пациента. А? Хорошо, пропускаю. Проходите, — повернулся он к Гурову и нажал какую-то потайную кнопку, чтобы разблокировать «вертушку». — Второй этаж, направо.

Поблагодарив «важного» сотрудника, полковник проследовал по указанному маршруту и вскоре оказался перед дверью с надписью: «Приемная».

Войдя, он уже собрался повторить все то, что говорил охраннику, молоденькой секретарше, сидевшей за столом в «предбаннике», но тут открылась обитая кожей дверь кабинета, и перед ним собственной персоной предстал заведующий приютом. Это был высокий полный мужчина с крупными чертами лица и беспокойными, бегающими глазами.

— Здравствуйте! — радостно произнес он, как будто всю свою предыдущую жизнь только и ждал этого визита. — Вы, наверное, по поводу Сережи? Какой переполох с этой смертью! Не поверите, с момента его кончины у нас и тем других для разговора нет. Как же — миллиардер! Сразу возникают подозрения, вопросы. Но уверяю вас, все произошло совершенно естественно. Никаких отравлений и удушений. Мы чисты и перед законом, и перед совестью. Впрочем, вам как представителю органов дознания, конечно же, недостаточно одних слов. Вам необходимы доказательства. С этим тоже не должно возникнуть проблем. Тело Сережи находится в морге, и

в ближайшее время его не планируется ни хоронить, ни кремировать, я специально дал указание. Да что же мы стоим тут, в дверях, — как бы опомнившись, проговорил заведующий. — Пожалуйста, проходите. В кабинете мы сможем спокойно поговорить, и я отвечу на все интересующие вас вопросы.

Утрированная и несколько неестественная доброжелательность и общая нервозность, с которой приветствовал его руководитель этого учреждения, показались полковнику весьма подозрительными. «Либо действительно что-то нечисто со смертью этого Чугуева, либо за уважаемым Георгием Леонидовичем числятся какие-то другие «грешки», которые ему очень не хочется афишировать, — подумал Гуров. — Беззащитные и бесправные подопечные, с одной стороны, и государственное финансирование, с другой, — благодатная почва для злоупотреблений».

— Присаживайтесь, — сказал заведующий. — Итак, что же вам хотелось бы узнать? Впрочем, я, наверное, и сам угадаю. Кому переходит наследство? Правильно? Ведь именно это — ключевой вопрос, который сейчас интересует всех.

— А что, к вам уже обращались с этим вопросом? — навострил уши полковник.

— Еще бы! — ничуть не смутившись, словоохотливо ответил заведующий. — Вы не поверите, отбоя нет от желающих это узнать. Хотя я, собственно, не очень и понимаю, при чем здесь я, почему ко мне все идут? Я — лицо совершенно постороннее и непричастное. Есть опекуны, есть душеприказчики. Нотариус, наконец, юристы. Почему именно я должен все знать?

— Отчего же, Георгий Леонидович, напротив, это очень понятно, — понимающе улыбнулся Гуров. — Вы постоянно находитесь в контакте со своими пациентами, так сказать, на передовой, вам известны все нюансы и подробности их повседневной жизни, все, что происходит с ними. Конечно, с точки зрения формальности вы — человек посторон-